

Анастасия КИРИЕНКО

ВАСИЛИЙ ШУПЕЙКИН. НЕ ТОЛЬКО ПРО ЛЮБОВЬ

Аты-баты, шли солдаты, пели песню о любви!

Жизнь – дорога, отмеченная каждому по-разному, порой как непролазный лабиринт, ведущий, казалось бы, в цветущие сады Семирамиды, а приводящий в непролазные дебри. Или же, напротив, путник, зачарованный дальним светом маяка, подпоясавшись, застегнув португую, бодрым командирским шагом, затянув задорную строевую песню, уверенно идет по извилистой тропе. Чего только

не повстречается ему по дороге – соблазны, ложные тропы, губительные топи, миражи оазисов. Все нужно суметь пройти, преодолеть, выбраться и выстоять с честью. И тогда к усталым ногам твоим в стоптанных сапогах, милый путник, падут внеочередные воинские звания, почести, награды, материальное жалование да усыпанный орденами парадный китель. Так у всех, во всем и всегда, не только у служивых.

Армия – наглядная модель школы жизни с четкой иерархией и распорядком. В советском обществе именно срочная служба в армии являлась своего рода обрядом инициации. Молодой, зеленый юнец, мамкин салажонок, уходя служить, покидал на два года теплое родительское гнездо, чтобы вернуться возмужавшим мужчиной, который жизни и табачка понюхал.

Многое изменилось с тех пор, в первую очередь в сознании общества. Модифицировалось и трансформировалось отношение к армии, к значению «чести и долга», мира и войны. Что-то ставилось под сомнение, а нужно ли это вообще? Не служить в советской армии было постыдно. Молодой человек призывного возраста, избегая армии, добровольно лишал себя целого пласта той самой «школы жизни», где, конечно, случалось всякое. Именно поэтому советская, интернациональная армия, сдружившая и породнившая миллионы людей, вырастившая достойных, возмужавших сынов своей отчизны, десятилетиями являлась питательной материей вдохновения, прочной, как солдатская портянка.

Советская армия шагнула всюду – позабытый и мало функционирующий сейчас жанр «анекдот» сложно представить без военного юмора (ну а как же легендарное «Почему в шапке, почему без шапки?»). Присказки вроде: «Солдат спит – служба идет», «Солдат ребенка не обидит» прочно окопались в об-

щеупотребительном лексиконе. Армия сподвигала служителей кисти, пера, тружеников объектива, повелителей струн и клавиш на создание если не шедевров, то абсолютно уникальных и самобытных произведений. Армия – это не отдельный мирок, это самостоятельный мир и дом, где всё должно быть по уставу, по полочкам.

Прежде чем стать автором прозы и иметь в своем творческом активе изданные книги, опубликованные очерки и статьи, в общем, всё то, из чего складывается литературная персоналия, Василий Шупейкин, как следует из его официальной биографии, прошел тот самый непростой извилистый путь – от рядового артиста-срочника военного ансамбля до полковника КНБ. Конечно, человек, для которого армия стала не жизнью – судьбой, перенес этот опыт в строки. Прозаические произведения Шупейкина – повести, рассказы, очерки, как лики бойцов на строевом смотре, где все выстроились в шеренгу и вроде как равные, но каждый думает о своем, а самые сокровенные думы – о любви.

Изданная в 2021 году книга «Не только про любовь», входящая в серию «Алатау Китапханасы», – увесистый и надежный, как солдатская броня, фолиант – коллекция произведений, написанных автором в разные годы. Во многом эту реалистичную, практически осязаемую прозу можно отнести к мемуарно-мундальной – не высветить отдельный закуток чьей-то уникальной жизни (согласитесь, каждый второй считает именно свой чертог, удел уникальным, ведь никто, никто кроме вас, так не страдал, не любил и не был столь обласкан судьбой), а написать общий портрет, как групповое фото, через истории людей.

Пером автора воссоздается эпоха обособленных каст огромной страны – военные, журналисты, лихие фирмачи и деляги. О каждом из них он пишет то с назидательной иронией, то с легкой насмешкой и укором, но главное – каждого из них он знает, помнит, любит и с каждым делит треволения и сопереживает его положению, помогая выбраться из коллизий жизни, как из минной растяжки. Он не оправдывает и не порицает, а лишь показывает, как в жизни всё может выглядеть на первый взгляд, особенно под гнетом публичного укора, и как оно есть на самом деле, и главное – что к этому привело.

Богатый и точный, как чеканный строевой шаг, язык автора пестрит и армейским жаргоном, и музыкальными терминами. Чего стоит только редкий в наши дни просторечный глагол «мантулить», читай – вкалывать или же создавать видимость того. В произведениях автора нет случайных и второстепенных, незначительных персонажей. Иногда тот, кто вроде скромно стоял у стеночки, выходит на авансцену и закрывает занавес. Но – обо всем по порядку, как и положено в армии.

Звучной и размашистой, словно «дембельский аккорд», повестью «Ансамбль» начинается книга «Не только про любовь». Эта повесть – дань уважения, памяти и благодарности армии, сцене, ансамблю. Главной фигурой, фигурой значимой, судьбоносной для персонажа и автора в этой повести является основатель и первый начальник Ансамбля песни и пляски Краснознаменного Восточного пограничного округа КГБ СССР – Клещин Михаил Кузьмич. Собственно, посвящением ему автор открывает и завершает повесть, подводя итог и вывода участников ансамбля в большую, самостоятельную жизнь.

У молодости, как издавна подметили мудрецы, всегда лишь один ощутимый недостаток – она быстро проходит. Но мораль этой мудрости лишь на первый взгляд таится в увядании красоты и утрате былой прыти. Как показывает пресловутый житейский опыт, никому не интересно учиться на чужих ошибках и собирать в поленицу не тобою наломанные дрова. А свои дрова

да кашу с комками, которую затем полвека расхлебывать, ты наломаешь и сварить сам. Свершаются такие, казалось бы, бездумные шалости, имеющие последствия на перспективу, чаще всего в беззаботной молодости. Возможно, и наш герой повести «Ансамбль», от лица которого ведется повествование и имени которого мы так и не узнаем до конца прочтения, с легкостью бы вязался в нечто эдакое, но судьба распорядилась мудро, и в самом расцвете сил, особо не ведая, что делает, он «угодил» в военный ансамбль, став впоследствии виртуозным баянистом.

Повесть начинается с реверса. Два давних сослуживца, теперь уже матерые, солидные мужчины, случайно, как это обычно и бывает, встречаются спустя много лет. Нет, они не были друзьями, но на протяжении пяти лет их связывало нечто гораздо более прочное, чем дружба, – они оба служили в ансамбле! С первых строк рассказчик-автор признается: вкушивший единожды сладость рукоплесканий, оваций, аплодисментов, породнившийся со сценой, признавший в себе Артиста (да-да, именно так, с большой буквы), уже никогда более не сможет изжить в себе это. По его ощущениям, такая тяга к признанию и восхвалению – наркотик.

Автор сразу дает ориентир, что это повесть-воспоминание, и многое в этих воспоминаниях кажется знакомым и мне. Разгадка такого дежавю очень проста: постсоветский зритель наверняка помнит сюжеты армейского быта в таких фильмах, как «Анкор, еще анкор!» (1992, режиссер П. Тодоровский) и «ДМБ» (2000, режиссер Р. Качанов мл.). Персонажи повести – спивающийся тенор Арапов и добывающая передком (а по-армейски иначе не скажешь) звания и жалование его жена; артист Гарифуллин, страдающий от невозможности быть с любимой и от отчаяния живущий с неверной; вечно голодные, но находчивые солдаты – и бесконечная тяжелая дорога из гарнизона в гарнизон по ухабам да кочкам. Все они имеют явные сходства и параллели с героями обозначенных фильмов. Но с экранными воплощениями их разделяет музыка – тот самый субстрат, возвышающий, окрыляющий и оправдывающий практически любой нелицеприятный поступок.

На сцене каждый из них уже не просто человек со своими слабостями и пороками. Баянист, выводящий вариации, танцор вприсядку да с топотухой, тенор, обнажающий широту регистра, – каждый активизирует лучшее в себе, то, что может дать, бескорыстно, робко надеясь на похвалу. Автор без утайки показывает читателю всю гастрольную «кухню». Ведь прежде чем пару часов порхать на сцене, требуется часов пять трястись в автобусе по бездорожью, «до первой потцы» таскать и устанавливать инструменты, а после, как схлынут восторги от концерта, проделывать всё в обратном порядке. Но в этом и счастье Артиста, его труд и ремесло. На последних страницах повести рассказчик-баянист подводит вполне закономерный для любого хорошего коллектива итог пребывания в ансамбле: кто, куда и как вышел на дорогу «большой жизни».

Почему этот текст читается легко, персонажи узнаваемы и житейские перипетии схожи? Думаю, ответ кроется в том, что Советский Союз, в нашем случае Советская армия, ансамбль, а главное – люди, жили по единому завету, хорошо зарифмованному в детской песне за авторством Ю. Энтина и М. Минкова: «Иди, мой друг, всегда иди дорогою добра!» Жить по уставу – значит не грешить, не подличать, не оскотиниться, воспитывать лучшее в себе. Позже, в годы перестройки, которая многих сломила и многое незыблемое поставила под сомнение, а социум практически поголовно пребывал в состоянии «Привет с большого бодуна», освистанию подвергалась и армия. Всё перевернулось с ног на голову. Так и птенцов-юнцов прятали мамыши-клуши под юбками, «откупаясь» диагнозами от службы, подбирая вузы с военной кафедрой.

Современные реалии казахстанского общества вновь возрождают «здоровое» отношение к срочной службе, создают условия, подчеркивают престиж. На просторах социальных сетей мне частенько встречаются видео Мужского хора МВД РК. Стройные, сливающиеся в единую полифонию теноры, басы, баритоны сильных, статных, мужественных уланов зачаровывают слух и око. Значит, всё хорошо, традиция, описанная в повести Шупейкина, продолжается, а преемственность – один из важнейших столпов, на котором держится армия!

О традиции и укладе как о доминанте армейского, пограничного быта, как отдельного, обособленного пространства, где всё и все как на ладони, говорится, подчеркивается и в других новеллах книги.

Повесть «Грешница» изначально предостерегает читателя: гарнизон – объект закрытый, здесь все посчитаны поштучно, и разного рода вольности, адюльтеры и тихие подковерные (читай, пододеяльные) игры сразу разнесутся и обсудятся по кухонькам генеральш да майорш и в срок, под нужным соусом с перчинкой, будут озвучены их мужьям-офицерам.

Так, по сложенной завистницами легенде, выходит, что Люба Нестерова – обычная «шленда», а супруг ее – безмолвный рогоносец. При первой же встрече политработника Лазарева и «грешницы» становится понятно, что осудить – дело нехитрое, а вот изыскать «корень зла» и разобраться, почему оно так, не всем хочется. Да и зачем? Холостой и честолюбивый до той поры Лазарев незаметно для себя влюбляется в «гулящую» женщину, и финал этой истории предсказуемо счастливый. Любе, конечно, далеко до раскаявшейся вавилонской блудницы Марии Магдалины, но и эта история, и все последующие в книге «пограничные быльки» («Кулиша – радость моя и судьба», «Во имя Отца и Сына») весьма напоминают прототипов и сюжеты саги «Граница. Таежный роман» (2001, режиссер Александр Митта), потому что сюжеты эти вечные, но с оговоркой на местный колорит.

Слово «любовь», трепетно вынесенное автором в заглавие книги, действительно тонкими нитями августовской паутины нежно сплетает всё пространство текста в единую канву. Вывода главного, обобщенного героя из всего повествования, стоит вспомнить расхожую, опять же киношную фразу, обернув ее в некий каламбур: «Я старый солдат, я знал слова любви и в ней участвовал!»

Любовь эта, как спелый плод, разная – плотская, запретная, невинная и ни на что не претендующая, жертвенная, во спасение, как и ложь. Герой неоднократно задает себе мысленно вопрос: уж коли всё создано по умыслу Божьему, а я творение его, и Бог есть любовь, как сказано в Писании, имею ли я право любить безоглядно? В повестях и рассказах автора, как в легендарном «Декамероне» Дж. Боккаччо, часто случаются житейские, анекдотические, узнаваемые, трагикомические ситуации. В повести «Третий муж второй жены» многократно обманутый своей возлюбленной мужчина принимает «генеральскую смерть», забываясь во грехе с молодой официанткой. В рассказе «Зарекался мужик» две черноокие кавказские красавицы ловко «крутят» залетных курортных мужичков, беря их на понт внезапным визитом ревнивых, мстительных мужей. Герои рассказа «Остановись, время» пытаются постичь «алхимию любви» и предсказуемо терпят фиаско.

На протяжении книги в череде повестей и рассказов герой являет читателю и свою статусно-социальную трансформацию – из военного в журналисты. Становлению и первым пробам пера не без юмора и карикатуры посвящена повесть «Дорогая редакция» и рассказ-анекдот «Осторожно – журналист!».

Немалая роль в книге отведена и такому ценному, практически утраченному в современных реалиях институту, как наставничество. Здесь стоит отме-

тить, что проза Шупейкина если и не относится в полной мере к мемуаристике, то по крайней мере в каждом из значимых, зрелых и опытных персонажей он отвел роль себе, указал на это как минимум именами, начинающимися на букву «В». Герой повести «Грешница» – Виктор; шефствующий над новоиспеченным журналистом в повести «Дорогая редакция» мастодонт Островский – Владислав Васильевич; наставник предприимчивого мальчишки, выросшего в успешного бизнесмена, – Владислав Венедиктович (рассказ «Яшка-бизнесмен»). Здесь стоит отметить, что и отчество у мальчика Яшки «авторское» – Васильевич он!

Так же явственно при внимательном прочтении считывается и общий прототип женского идеала героя. Пусть не всегда такие, как есть на первый взгляд, иногда лукавые, с хитрецей да двойным дном, но все они, музы героя, имеют схожие черты. По профессии они – учительницы (конечно, русского и литературы, это ведь романтично!), воспитательницы в детских садах, младшие научные сотрудницы при лабораториях, чтущие порядок, сдержанные на людях и пылающие огнем страсти внутри. Их альтер эго, напротив, – официантки, продавщицы – в общем, то, что кажется легкодоступным на первый взгляд. Но не всё так просто: автор показывает, что и полковничьи жены позволяют себе разное, да и среди грешниц нет-нет да и встретится чистая, просто заблудшая душа.

Коллизии, неуставные отношения, дружба, юмор, быт людей там, где сутки начинаются в 20:00 (на границе), общим посылом сподвигают читателя к мысли: главное – не растерять любовь ни с трудностями, ни с годами. Не «заблудиться» (есть в русском языке такое слово – «блуд»), какой бы кривенькой да непролазной ни была дорожка. Сохранить самое ценное и незыблемое любовью ценой – тепло семейного очага. Автор не явно и назидательно, но звучным, монотонным рефреном возвращает читателя к армейской константе – «Жене и Родине будь верен!».

Всё пройдет, вторит герой царю Соломону, но останется главное сокровище – которое ты нажил и сохранил либо промотал да разбазарил на лихой дорожке жизни. О том и книга, о любви!

«Граф из Ишачьего поселка» и лошадь, которая помнит

Иногда литературный текст появляется в странное, почти символическое время – словно он создается не по велению автора, а синхронизирован с культурным календарем. Так совпало, что рассказ Василия Шупейкина «Граф из Ишачьего поселка» опубликован в канун года Огненной лошади по восточному календарю. И это совпадение трудно счесть случайным: лошадь здесь не просто персонаж второго плана, а смыслообразующий центр, вокруг которого выстраивается и сюжет, и система ценностей текста.

Шупейкин пишет о лошадях так, как обычно пишут о людях, – с вниманием, доверием и уважением к молчанию. Его герой, Владимир Орлов (в прошлом – Коновалов), фронтовик и инвалид, живет в послевоенной Алма-Ате, на окраине города, в пространстве, где еще ощутимо дыхание степи и нет засилья непролазных каменных джунглей. Его знание о лошадях не институционально и не научно в строгом смысле слова. Это то, что терминологически можно назвать телесно закрепленным фреймом: опыт, в котором память, движение, жест и интуиция оказываются важнее вербализации.

Фигура «графа» здесь работает как культурный маркер. Орлов – вовсе не аристократ по происхождению, но носитель аристократичного ремесла, фор-

мы знания, уходящей корнями в дореволюционную культуру и передающейся по принципу преемственности. Эта преемственность не проговаривается напрямую, она считывается через повторяющиеся мотивы: дорога, порода, имя, жест, бессловесное между человеком и животным. В этом смысле «Граф из Ишачьего поселка» выстраивает микромиф о последнем хранителе знания, не востребованного эпохой.

Армейская тема, последовательно присутствующая в прозе Шупейкина, и здесь звучит как травматический фон, а не как героический нарратив. Война оставляет след не только в телесном увечье, но и в способе восприятия мира: герои говорят мало, избегают патетики, их речь фрагментарна и сдержанна. Это тот случай, когда повтор и молчание становятся формами проговаривания травмы – прием, хорошо известный в психоаналитической интерпретации литературы, но у Шупейкина он не демонстрируется, а проживается.

Пространство степи придает рассказу дополнительную глубину. Для казахов, степных кочевников, конь изначально был другом и спутником пути, частью жизненного уклада и идентичности. Однако и для русского человека, оказавшегося в степи, лошадь перестает быть утилитарным объектом и превращается в посредника между человеком и пространством. Здесь возникает редкое совпадение культурных кодов, когда разные традиции сходятся не на уровне идеологии, а на уровне базового опыта – движения, дороги, заботы о живом. Рассказчик, Скворцов, интуитивно чувствует, что фиксирует не просто биографию соседа, а исчезающую модель мира, в которой человек еще способен слышать и понимать то, что не поддается рациональному описанию. Его записи так и не будут опубликованы, и этот выбор отказа от публичности становится важным смысловым акцентом. История остается в зоне личной памяти, а не литературного рынка, что подчеркивает ее хрупкость и непереводаемость в формат массового чтения.

«Граф из Ишачьего поселка» – это совсем не текст о прошлом или о лошадях. Это рассказ о пределах современного языка, который всё чаще оказывается неспособен описать формы знания, существующие вне рациональной парадигмы. Возможно, именно поэтому он так органично вписывается в наступивший год, как напоминание о силе, которая не нуждается в декларациях и всегда идет рядом, чуть в стороне от шумной дороги.

